

Александр Щербаков

От имени сердца

Летят мои санки...

Под небом морозным и чистым
Катушка полна детворы.
Летят мои санки со свистом
От самой макушки горы.

Крутя поводком, как вожжами:
«Раздайся!» — кричу я гурьбе,
И смотрит мне вслед с обожаньем
Девчонка из пятого «Б».

Полозья подкованы сталью,
Поют на январском снегу.
То лягу, то сяду, то встану —
Вот только взлететь не могу.

Но всё же, ликуя, на случай
Я руки, как крылья, простёр,
Поскольку всё глаже и круче
Заезженный в лоск косогор.

А ветер лицо обжигает,
Из глаз выбивает слезу.
И все, кто навстречу шагает,
Кричат: «Осторожней внизу!»

Спасибо, друзья, за вниманье,
Да что там! Доверюсь судьбе,
Покуда глядит с обожаньем
Девчонка из пятого «Б».

Колодец

Когда ошалело промчится
Лавина воды по весне,
Колодец общественный чистить
В деревне приходится мне.

Его журавлиную шею
К замшелому срубу пригну —
И, словно к рябящей мишени,
Лечу по верёвке ко дну.

Работа моя не из лёгких:
Осклизлый колодезный лаз,
И воздуха мало для лёгких,
И небо — с овчинку как раз.

Но бухают глухо удары —
И грузно стартует бадья.
На лицах людей благодарность
Я вижу, наверх выходя.

Шатаюсь под яростным солнцем,
Боками, как рыба, дыша.
И звонко мне в пригоршни льётся
Живая вода из ковша.

Хлеб родины

Как только утреннюю просинь
Прошьёт луч солнца за окном,
Опять уйду из дому в осень
По огородам напрямиком.

Перескочу с разбегу речку
И, косогор перевалив,
Увижу вдруг, что мне навстречу
Пшеничный катится разлив.

Здесь всё мне издавна знакомо:
Дорога, лес, тропы излом...
Подступит к горлу тёплым комом
Воспоминанье о былом.

За тем пологим поворотом
Когда-то был бригадный стан.
Крутую пахаря работу
Впервые я изведал там.

Участник страдных тех компаний,
Когда был втрое хлеб трудней,
Припомню я под гул комбайнов
Весомость первых трудодней.

Мне хлебный дух напомнит живо,
Как я при ветрах и дождях
По ошетилившимся жнивам
Зерно возил на лошадах.

Пронзён рассветною прохладой,
Едва от усталости живой,
В копну соломенную падал
И зарывался с головой.

Я испытал, почём фунт лиха,
И чуял цену фунту ржи,
Когда вручала повариха
Ломоть пайковый: «На, держи!..»

Краюхи запах солодовый
С тех пор преследует меня,
Как запах родины и дома,
Домой мучительно маня.

Тётъ Шура

Из дома печальней, чем это,
Давно не писали письма:
«Тётъ Шура отмаялась летом...»
Никак не идёт из ума.

Тётъ Шура была трактористкой,
Ходила в широких штанах.
Беретка суконная диском
Лежала на сухих кудрях.

Я так ей завидовал в детстве.
Брала она в руки штурвал —
И шпорами по-молодецки
Колёсник на солнце сверкал.

Как вихри его проносили,
И дым калачами взлетал.
А было тётъ Шуре от силы...
Да кто тогда годы считал?

Тётъ Шура была звеньевая
В ударном девичьем звене.
Тётъ Шура была боевая,
Тащила колхоз на спине.

Что знала, что видела Шура,
Помимо пустых трудодней?
Я чувствую собственной шкурой
Большую вину перед ней.

Кинокартина про войну

— Куда ты?
— В клуб! —
Бросаю книжки —
И напрямик через заплот.
Какие книжки, если кинщик
Кино военное даёт?!

Я знаю, мать вослед грозит мне,
Припав к промёрзшему окну,
Я искупить готов вину,
Но зрелище неотразимо —
Кинокартина про войну.

Шуршит проектор ветром в соснах,
Люд, замороженный лучом,
Сплочён, как семечки в подсолнухе, —
За рядом ряд, к плечу плечо.

Сидит шалаястый и тулупный,
Мозольный, шрамистый народ,
А за окном в тиши подлунной
С сухой пронзительностью лупит
Движка дрожащий пулемёт.

Сквозь чернолесье частых взрывов
Бегут бойцы по полотну.
Нет, зрелище неотразимо —
Кинокартина про войну.

Неотразимы «уралзисы»,
Ревущих танков грозный строй,
Но главное — неотразимый
Солдат в пилоточке простой.

Он мнёт врага, он бьёт прикладом,
Он грудью падает на дот.
Клуб сотрясая: «Бей их, гадов!» —
Кричит взволнованный народ.

А если вдруг на гребне боя
Волной смахнёт солдата взрыв,
Весь зал сжимается обоймой,
Прошитый яростью и болью,
И плачут женщины навзрыд...

Я не был там с отцом и дедом,
Где шли жестокие бои,
Но как страдал я за Победу!
Я и товарищи мои...

День Победы

Я этот день подробно помню.
Я не знавал краснее дней.
Горели яркие попоны
На спинах праздничных коней.
Гармошки ухали басисто,
И ликовали голоса
Людские. Ветром норовистым
Их выносило за леса.

Качались шторы из бумаги
У нас в избе. Качался дым.
И в кадке ковш на пенной браге
Качался селезнем седым.
В тот день гудела вся округа.
Под сапогами грохал гром,
И пол поскрипывал упруго,
И сотрясался старый дом.

В заслонку ложкой била шало
Варвара — конюха жена.
Мелькали юбки, полушалки,
Стаканы, лица, ордена.

А в стороне на лавке чинно
Курили едкий самосад
Деда и средних лет мужчины
Из тех, кому уж не плясать.

Тот с костылями, тот с протезом
Или с обвислым рукавом.
Их речь размеренно и трезво
Велась в масштабе мировом.
С печи, где валенки сушили,
Украдкой жадно слушал я,
Как вражью силу сокрушили
Соседи, братья и дядья.

И мне казалось, что я знаю
Свою и всех людей судьбу
И что проходит ось земная
Через отцовскую избу.

Хочу домой

Опять зелёно-голубое лето
Цветёт, поёт, стрекочет и жужжит.
И мне опять до полночи с рассвета
Зов дома не даёт спокойно жить.

Тот зов внутри. И никуда не деться,
Не убежать, не скрыться от него.
Хочу домой, хочу на тропы детства,
Хочу к порогу дома своего.

Зачем я рвусь в края, мне дорогие?
Зачем лечу на зов родной земли?
В моём доме давно живут другие,
Давно мои тропинки заросли...

Безрукому порою жжёт ладони.
Слепому снится белый-белый свет.
А у меня душа болит о доме.
Хочу домой...
А дома больше нет.

Над матушкой-Русью

Вот лечу я над матушкой-Русью,
Ближе к Богу сижу в вышине...
Но не благостно вовсе, а грустно
Отчего-то крылатому мне.

Оттого ли, что под облаками
Так печально мерцают огни
Русских сёл, обречённых веками
На оброки да на трудодни?

Даже этой осеннею ночью
Сёла, верно, и пашут, и жнут.
Почему ж мы не видим воочию,
Что они по трудам и живут?

Благодати лишённые Божьей,
Почему они вечно бедны,
Хоть и тянут лихим бездорожьем
Хлебный воз необъятной страны?

Праздный город растёт и жиреет,
Потешаясь над глупым селом.
Вон он блещет каким ожерельем,
Проплывая под белым крылом...

А село чуть мигнёт и куда-то
Пропадает во мгле, как в золе,
Словно это оно виновато,
Что нет ладу на Русской земле.

Вздых о доме

Опять грущу о доме нашем...
Скитальцем стал я навсегда,
Ключи навеки потерявшим
От деревенского гнезда.

Вздыхать всю жизнь о доме отчем,
Видать, удел достался мне.
Такой давно не помню ночи,
Чтобы не снился он во сне.
Заплот, тесовая калитка
С серьгой железного кольца,
Седые каменные плиты
Перед ступеньками крыльца.

А в доме — стол, цветная скатерть,
Герани с туями кругом.
В углу переднем — Богоматерь,
И печка русская — в другом.

Там самовар пытит старинный,
И кот ворчит, что мал улов,
И накрывает мама крынки
Моими книжками стихов...

Ивановки, Татьяновки...

То степь, то лес с еланками...
На сердце свет и грусть.
Татьяновки, Ивановки —
Бревенчатая Русь.

Мелькнёт церковка Божия,
Старушки у ворот —
И вдруг почувешь кожу,
Что ты попал в народ,

Что это небо синее,
Берёзы, избы, пруд —
Спокон веков Россиию,
Отечеством зовут.

За эти окна с кружевом,
За те кресты могил
Твой дед во всеоружии
На ворога ходил.

А ты на разорение
Край отчий отдаёшь?
От горького прозрения
Невольно бросит в дрожь.

Ивановки, Татьяновки,
Сосновки да Ключи...
И весело, как пьяному,
И больно, хоть кричи!

Родному селу

Самым дивным, что видано мною
От рожденья до нынешних лет,
Было звёздное небо ночное
Да встающего солнышка свет.

Да ещё деревенька родная
В стороне подсянской лесной,
Где впервые любовь потайная
Жгла мне сердце к девчонке одной.
Там познал я и радость, и горе,
Жаркий труд сенокосов и жатв,
Скорбный путь на погостную гору,
Где родные в могилках лежат.

И меня в том сельце небогатом,
В две шеренги бревенчатых изб,
До сих пор принимают, как брата,
Безо всяких прописок и виз.

Может, тем и храним от напастей,
Что мне с родиной так повезло
И навек было вписано в паспорт
Наше лучшее в мире село.

Всё тоскую о нём... Знать, оно
По названью не зря — Таскино.

От имени сердца

Хотя язык мне родина дала
И слову не заказана свобода,
Я не пою от имени села
И не сужу от имени народа.

Надеюсь, что и я гожусь в сыны
Моей Руси. Добра хочу ей очень.
Но как скажу от имени страны?
И кто меня на то уполномочил?

«Поэт — уста народа?»

Не смехи!
Поэтами так сказано едва ли.
От имени единственной души
Они всегда смеялись и рыдали.

И я мечтаю только об одном —
Чтоб чувствовать мне в том
Единоверца,
С кем говорю на языке родном
От имени доверчивого сердца.